

Керосиновая лампа отбрасывала дрожащие блики на глиняные стены, растягивая тени Лин Цэ и Су Вань.

Туаньцзы давно крепко спал, зарывшись раскрасневшимся личиком в тонкое одеяло, и лишь изредка издавал во сне невнятное бормотание. Лин Цэ только что убрал в деревянную шкатулку таблицу трудодней, которую привел в порядок за день. Подняв голову, он увидел, что Су Вань отрешенно смотрит в окно, сжимая в руках недошитый лоскут ткани. Это был материал для новой жилетки Туаньцзы, на синем фоне которой она вышила несколько кривоватых полевых цветочков — мастерству она тайно училась целых полмесяца.

— О чем задумалась? — Лин Цэ подошел к ней, опустился на низкую табуретку рядом и кончиками пальцев осторожно коснулся вышивки. — Как красиво, Туаньцзы точно понравится.

Су Вань опомнилась, поспешно спрятала ткань за спину, и ее щеки залил легкий румянец:

— Так, просто балуюсь. Стежки совсем неровные.

Она помедлила, перевела взгляд на деревянную шкатулку рядом с Лин Цэ и тихо произвела:

— Сегодня тетушка Ван сказала, что из города снова пришло уведомление. Говорят, те, кто раньше приехал в деревню по распределению, могут подать заявление на возвращение, если есть связи.

Сердце Лин Цэ слегка дрогнуло. Он знал, о чем тревожится Су Вань. В каждой из прошлых жизней он только и твердил о возвращении в город, обзывал ее камнем преткновения на своем пути и даже был готов сбежать с Линь Вэй, бросив семью на произвол судьбы, лишь бы получить заветное разрешение.

Су Вань боялась. Она страшилась того, что он снова, как и раньше, без колебаний уйдет, едва появится шанс.

Лин Цэ взял ее за руку. Ладони у нее были холодными, а на кончиках пальцев чувствовались мозоли от иглки. Он не стал сразу отвечать, а достал со дна шкатулки аккуратно сложенный лист бумаги. Это было заявление на возвращение в город, которое вчера прислали из коммуны. Он уже поставил на нем подпись, но не для того, чтобы уехать, а с текстом: Добровольно остаюсь в деревне и отказываюсь от права на возвращение.

— Посмотри, — Лин Цэ развернул лист и положил перед Су Вань.

Когда взгляд Су Вань упал на слова об отказе от права на возвращение, дыхание у нее перехватило. Она протянула руку, чтобы коснуться бумаги, но пальцы слегка дрожали — она не могла поверить своим глазам. Свет лампы отражался в ее зрачках, полных потрясения и затаенной тревоги. Она даже подсознательно подумала: не ошиблась ли она, или, может, Лин

Цэ снова что-то задумал?

— Я уже сказал в коммуне, завтра подам это заявление, — голос Лин Цэ звучал твердо, каждое слово проникало прямо в сердце Су Вань. — Я не вернусь в город. Останусь здесь, в деревне, буду жить с тобой и Туаньцзы.

— Ты... что ты сказал? — Су Вань подняла голову, ее глаза подернулись влажной дымкой, а голос дрогнул. — А как же дом в городе... они ведь постоянно требуют, чтобы ты вернулся? И ты сам говорил, что хочешь найти там работу...

Она не успела договорить, как Лин Цэ прервал ее. Он знал: Су Вань помнит каждое его слово. Те ранящие фразы, словно занозы, засели в ее душе, и их было не вытащить.

— Я уже написал письмо домой, всё объяснил, — Лин Цэ большим пальцем погладил тыльную сторону ладони Су Вань, говоря с полной серьезностью. — Я сказал матери, что в деревне нужны люди, умеющие работать со статистикой, что в бригаде мне доверяют. И еще... у меня здесь жена и ребенок, я не могу их оставить. Мать сначала была против, но потом смягчилась, сказала: если я счастлив, то место не имеет значения.

Это не было ложью. Несколько дней назад он попросил знакомого, уезжавшего в коммуну, отправить письмо. В нем он не упоминал ни систему, ни прошлые жизни, а лишь написал, что нашел в деревне спокойную жизнь, встретил тех, кого хочет защищать, и больше не хочет скитаться, как раньше. Он знал, что его мать в душе добрая женщина, просто раньше ее глаза были застланы его одержимостью городом, а теперь, когда он открылся, она смогла его понять.

Су Вань молчала, лишь опустив голову и глядя на их сцепленные руки. Ее пальцы сжались, словно она проверяла, реален ли этот момент. За все эти годы она слишком часто слышала от Лин Цэ обещания вернуться в город — от первоначальной надежды, что он заберет их с Туаньцзы, до разочарования и окончательного оцепенения. Но сейчас, когда Лин Цэ вдруг сказал, что не уедет, что хочет быть с ней и сыном, она не знала, как на это реагировать.

Лин Цэ не торопил ее, а начал спокойно рассказывать о своих планах:

— Я продолжу отвечать за статистику трудодней в бригаде, а в свободное время буду помогать капитану Лю с инвентарем. В прошлый раз я заметил, что у молотилки изношены шестерни, если их починить, во время осенней уборки будет намного легче. Кроме того, я говорил с секретарем Чжаном, склон за деревней отлично подходит для фруктовых деревьев, например, яблонь или персиков. Следующей весной мы подадим заявку, организуем жителей, посадим сад. Когда фрукты созреют, можно будет сдавать их в магазин при коммуне. Трудодни станут ценнее, и мы заживем богаче.

Он упомянул и Туаньцзы:

— В следующем году ему пора в школу. Пусть деревенская школа и простая, но учитель там —

присланный из коммуны старшекласник, человек грамотный. Я хочу, чтобы Туаньцзы учился. Если сможет поступить в среднюю школу — пусть учится в коммуне, а если потом захочет в университет — я расшибусь в лепешку, но оплачу его учебу.

Лин Цэ долго обдумывал эти слова. Это были не пустые обещания, а реальный план для семьи. Он хотел, чтобы Су Вань больше не приходилось днями напролет плести веревки из травы ради горсти кукурузных лепешек, хотел, чтобы Туаньцзы был сыт и одет, чтобы он мог учиться и читать, хотел, чтобы их дом наконец стал настоящим домом.

[Обнаружено: Исполнитель задания Лин Цэ подает заявление об отказе от возвращения в город и планирует будущее. Уровень счастья Су Вань вырос до 82, уровень счастья Туаньцзы — до 91!] — голос Системы 7576 прозвучал в голове, полный удивления. — [Главная система молчит! Похоже, вердикт о позитивной коррекции всё еще действует, в этот раз мы не прогадали!]

Лин Цэ не обратил внимания на ликование системы, он смотрел только на Су Вань. Ее плечи слегка дрожали, и лишь спустя долгое время она медленно подняла голову. Слезы покатались по щекам и упали на тыльную сторону ладони Лин Цэ — холодные капли обожгли его сердце.

— А-Цэ, ты... только не обманывай меня, — голос Су Вань был тихим, с ноткой мольбы. — Я не боюсь бедности, не боюсь трудностей, я боюсь лишь одного... что ты снова, как раньше, уйдешь без оглядки, оставив нас с Туаньцзы...

— Я не обманываю, — Лин Цэ прервал ее, твердо глядя в глаза. — Су Вань, раньше я был негодяем, слепцом, который не умел ценить тебя и Туаньцзы. Я всегда думал, что только в городе можно жить по-настоящему, но теперь понял: настоящая жизнь там, где вы. Если я снова уйду — пусть меня покарают небеса. Можешь в любой момент взять это заявление и пойти в коммуну, чтобы мне навсегда запретили приближаться к вам.

Он говорил так искренне, почти клянясь. Су Вань смотрела в его глаза — те самые, в которых раньше всегда читались лишь раздражение и холод, а теперь светились искренность и нежность, словно зимнее солнце, постепенно растапливающее лед в ее душе.

Она молчала так долго, что Лин Цэ начал нервничать. Наконец она медленно протянула руку и взяла заявление об отказе. Ее кончики пальцев снова и снова проходили по буквам, словно она проверяла каждый знак на подлинность. Затем она аккуратно сложила бумагу и убрала на самое дно шкатулки, рядом с таблицей трудодней Лин Цэ.

— Каша на печи еще теплая, я принесу тебе миску, — Су Вань встала и повернулась к очагу.

Лин Цэ смотрел ей вслед и заметил, что ее походка стала легче, чем обычно. Когда она подошла к плите, то украдкой смахнула слезы с уголков глаз, но уголки ее губ невольно поползли вверх.

Это был поворотный момент для их семьи и поворотный момент в его жизни. Он больше не был инструментом, действующим ради задания, — у него появились люди, о которых он беспокоился, те, кого он хотел защитить, у него появился настоящий дом.

Лунный свет пробивался сквозь щели в оконных рамах, ложась на лицо спящего Туаньцзы и на сердце Лин Цэ. Он смотрел, как Су Вань несет миску с кашей, а в руках у нее был еще и паровой хлебец из пшеничной муки. Это была та самая мука, которую он вчера получил за дичь, а Су Вань, жалея себя, приберегла для него.

— Ешь скорее, пока не остыло, — Су Вань поставила еду перед ним, глядя на него с мягкой нежностью.

Лин Цэ взял хлебец и откусил кусочек — сладковатый вкус разлился во рту.

<http://bllate.org/book/18630/1793902>